

АЛЕКСАНДР ВАЛЕРЬЕВИЧ ПИГИН

доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора фольклористики с фонограммариумом Института языка, литературы и истории Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федеральный исследовательский центр «Карельский научный центр Российской академии наук» (Петрозаводск, Российская Федерация)
av-pigin@yandex.ru

**ПЕТР I И ПЕТЕРБУРГ В СОЧИНЕНИЯХ ПИСАТЕЛЕЙ-СТАРООБРЯДЦЕВ
ВЫГОВСКОЙ ПОМОРСКОЙ ПУСТЫНИ***

Анализируются образы Петра I и основанной им столицы в сочинениях XVIII – первой трети XIX века писателей старообрядческой Выговской пустыни. Данные произведения свидетельствуют об исключительно позитивном восприятии выговцами Петра I как милосердного и мудрого правителя, чему способствовала проводимая царем политика веротерпимости. В некоторых из них освещены отдельные факты из истории пребывания Петра I в Олонецком крае. Рассмотрены нарративы, в основе которых лежит популярный в сочинениях о Петре I сюжет «царский суд». В качестве литературного контекста привлекаются рассказы («анекдоты») о Петре I из сборников И. И. Голикова и А. К. Нартова. Анализируется и впервые вводится в научный оборот выговское сочинение о наводнении в Петербурге в 1824 году.

Ключевые слова: старообрядчество, Выговская поморская пустынь, Петр I, Петербург, петербургское наводнение 1824 года, сюжет о «царском суде»

Для цитирования: Пигин А. В. Петр I и Петербург в сочинениях писателей-старообрядцев Выговской поморской пустыни // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 6 (183). С. 77–84. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.375

ВВЕДЕНИЕ

История взаимоотношений Петра I со старообрядчеством хорошо освещена в научной литературе в разных аспектах – историко-культурном, социально-экономическом, семиотическом и т. д. [9]. При этом восприятие императора «ревнителями благочестия» изучалось преимущественно в русле эсхатологических воззрений старообрядцев, на материале созданных ими сочинений о конце света. Действительно, интерпретация Петра I как антихриста наиболее традиционна для старообрядческих сочинений. Учение о Петре-антихристе сложилось уже при жизни императора, но большинство произведений на эту тему датируется концом XVIII – XIX веком. Такие сочинения входили в книжный репертуар практически всех старообрядческих согласий – как беспоповцев, так и поповцев, хотя значительная их часть вышла из-под пера старообрядцев-странников (бегунов) – представителей самого радикального старообрядческого крыла [1: 37–60], [2]. Аргументы в пользу своей теории старообрядцы находили как в личном поведении императора, так и, прежде всего, в сути осуществленных им реформ. Брадобритие, введение европейского платья, нового календаря, перепись населения и тяготы подушного налога, титул императора, именование «Отцом отечества», воспринимавшееся традиционалистами как посягательство на духовную власть патриарха

[12: 52–53], – таковы лишь некоторые, наиболее значимые основания для отождествления царя с антихристом. Деяния императора трактовались старообрядцами как исполнение древних пророчеств о «последних временах» в Откровении Иоанна Богослова и в святоотеческих сочинениях. Особенно популярной среди старообрядцев являлась теория расчлененного антихриста, согласно которой антихрист получает последовательное воплощение в сменяющих друг друга правителях. Петр является «первым» именно по той причине, что с него и начинается этот ряд, доведенный в рукописях XIX–XX веков до последних Романовых. В некоторых старообрядческих нарративах легенда о Петре I – антихристе объединялась с легендой о «подменном царе» [13: 135–136].

В апокалиптическом ключе трактовалось старообрядцами и любимое детище Петра – созданная им новая столица и разнообразные топосы петербургского культурного ландшафта. Так, согласно одной из старообрядческих легенд, Медный всадник (памятник Э. Фальконе, 1782 год) «есть всадник Апокалипсиса, а конь его – конь бледный, появившийся после снятия четвертой печати» [11: 149].

Особое место среди старообрядческих сочинений о Петре I и Петербурге занимают произведения писателей Выго-Лексинского поморского общезиждителства, которое находилось к северо-востоку от Онежского озера и просуществовало

полтора века, с конца XVII до середины XIX-го, являясь крупнейшим центром старообрядческой культуры и литературы в России этого времени. Феномен Выга получил разностороннее освещение в трудах Е. М. Юхименко. На обширном рукописном материале исследовательница представила Выг как явление общероссийского масштаба. Важный вывод Е. М. Юхименко заключается также в том, что выговцы, при всех противоречиях, не стремились к самоизоляции, не избегали сотрудничества с государством и российским обществом, более того – занимали твердую патриотическую позицию¹. Об этом свидетельствует, в частности, отношение выговцев к Петру I и основанной им столице.

ПЕТР I В СОЧИНЕНИЯХ ВЫГОВСКИХ КНИЖНИКОВ

Сочинения о Петре-антихристе известны в составе поморских рукописей и, вероятно, вызывали у какой-то части поморцев сочувствие [2: 136–137]. Однако в тех произведениях, которые были созданы непосредственно на Выгу, образ Петра лишен каких-либо inferнальных черт и осмыслен исключительно позитивно. Причем, как справедливо отмечал П. С. Смирнов, такому отношению к Петру на Выгу не мешало и общее для беспоповцев учение о принадлежности императора «к “церкви”, где царствует антихрист»: выговцы «восхваляли Петра» «независимо от содержимой им “веры”»².

Причины такого восприятия выговцами царя заключаются в том, что уже в начальный период существования пустыни в их взаимоотношениях с властью был достигнут компромисс. Как известно, в период правления Петра I происходило смягчение государственной политики по отношению к старообрядцам. Исходя из принципа государственного прагматизма, Петр стремился извлечь доход из религиозного инакомыслия: он обложил старообрядцев двойным налогом и тем самым, по точному выражению А. Г. Брикнера, перенес вопрос о расколе «из круга церковного ведомства в бюджетные соображения»³. Выговцы приняли предложенные властью условия: они платили налоги, были приписаны к Олонецким Петровским заводам, на которых выполняли важные производственные обязанности (по изысканию и разработке руды) – и тем самым обеспечили обществу легальное положение.

Понимание того, что отношение власти к старообрядчеству меняется, пришло к выговцам в 1702 году, когда Петр I совершил вместе с войском переход по Осударевой дороге из Белого моря к Повенцу на Онежском озере. Появление царя близ Выговского общежития вызвало у его насельников «боязнь и страх»: некоторые хотели бежать, другие готовы были «огнем скончаться». Однако Петр, по свидетельству выговского историографа Ивана Филиппова, узнав,

что на Выгу живут староверцы-пустынники, сказал: «Пускай живут», и «проехал смирно»⁴. Не случайно запись об этом переходе Петра вошла и в Выголексинский летописец: «1702 года. Император Петр Великий ехал от города Архангельска чрез Повенец» [16: 63].

Несколькими указами 1704–1714 годов за Выговским монастырем закреплялось право вести богослужение по старопечатным книгам, общежителю признавалось самостоятельной хозяйственной единицей, ему была обещана защита от всякого «утеснения» со стороны светских и духовных властей [14: 39–42]. Как писал в Житии Кирилла Сунарецкого выговский агиограф,

«елма убо правосудию Петрову во всей Росии храбрость свою показующу, случися и гонителным за древлецерковныя законы некий отдох прияти, ибо самодержец, аще новин и не истребляше, обаче и древняго благочестия любителей в конечную обиду не отдаваше. <...> Отворишася тогда Выговския пустыни врата...» [10: 495–496].

В том же духе высказывался и автор Жития Ивана Внифантьева:

«Гонению бо тогда на староверцы утишившуся, <...> Петру Первейшему престол великороссийскаго царствия держашу и благоразсудившу не гонити староверцы, зане прародителей его царских книги держат» [16: 180–181].

Примечательно, что в качестве причины прекращения гонений на старообрядцев выговские авторы указали не политические или экономические расчеты царя, но его «правосудие» и уважение к вере своих «прародителей».

В выговской литературе нет произведений, которые были бы целиком посвящены Петру I и его государственной деятельности, но в некоторых сочинениях царю принадлежит весьма важная и в целом положительная, созидательная и благая роль.

Особый интерес у выговских авторов вызывали те факты из жизни и «деяний» Петра, которые имели отношение к Выговской пустыни и истории его пребывания на Петровских Олонецких заводах и на открытом рядом с ними в 1719 году первом российском курорте «Марциальные воды». Вполне в духе официальной (или лояльной к власти) историографии XVIII–XIX веков выговцы описывали само возникновение Петровских заводов: Петр Великий («государь, храбростию и премудростию всю вселенную удививший») повелевает «изыскивать в своей империи железныя и медныя руды и на тех местах умножать заводы» – «ради политическаго интереса и общенароднаго покоя»; появление заводов трактуется как результат «трудов и прилежания премудрого государя»⁵. Выговцы посылали царю на Олонецкие заводы «гостинцы» (олений, птицу и прочую живность), передавали ему письма:

«И императорское величество все у них милостивно и весело приимае и писма их вслух всем читаше, хотя

в то время от кого со сторон и клеветы быша, он же к тому не внимаше»⁶.

Во время пребывания Петра на Олонецких заводах и в Марциальных Водах выговцы молились о его благополучии – об этом свидетельствует, в частности, письмо выговского настоятеля Андрея Денисова в Султозерский скит (начало 1720-х годов) [17: 314–315].

В 1722 году на Олонецкие заводы по указу Петра I был послан для увещевания старообрядцев синодальный миссионер иеромонах Неофит, предложивший выговцам для дискуссии 106 вопросов. Один из списков составленных выговцами ответов на эти вопросы («Поморские ответы») был доставлен царю, который, согласно Житию Семена Денисова, «прочте до пяти ответов и, силу написания уразумев, не без похвалы оныя остави, ведяше бо прежде премудрых тамо быти мужей...»⁷. На вопрос Неофита об отношении выговцев к царю выговцы ответили (52-й ответ):

«его <...> величество всепресветлейшаго императора Петра Великаго, Отца отечества, богохранимаго самодержца всемилостивейшаго нашего государя всегосударно почитаем и всеусердно прославляем и всежеланно благодарствуем и благодарствовати и почитати когда не престанем»⁸.

Некоторые выговские истории о Петре I могут быть отнесены к сюжетному типу «царский суд» («милостивый царский/княжеский суд – прощение виновного <...> по ходатайству доверенных лиц/вследствие раскаяния»)». В национальной памяти Петр остался не только царем-реформатором, но и милосердным правителем, способным великодушно прощать провинившихся, преступников и даже своих личных врагов [7: 141–168]. Рассказы («анекдоты») на эту тему вошли в сборник, создание которого приписывалось современнику Петра А. К. Нартову¹⁰, в состав многотомного сочинения о Петре И. И. Голикова (конец XVIII века)¹¹, послужили основой для целого ряда произведений русской литературы XIX века («Пир Петра I» А. С. Пушкина, «Быль 1703 года» К. П. Масальского и др.). Свою лепту в создание этой литературной ипостаси Петра внесли и выговские книжники, причем в числе первых среди российских писателей. В образе доброго милосердного правителя выражались утопические идеалы преследуемых старообрядцев и их надежды на социальную справедливость¹². В выговских рассказах о Петре I интерес представляет также соотношение литературного (прежде всего агиографического) и документального начала.

К 1722 году относится событие, описанное во «втором чуде» выговского Сказания о чудесах Тихвиноборского образа Спаса¹³. Некая крестьянка Прасковья умертвила своего новорожденного младенца, была доставлена в Петрозаводскую канцелярию и приговорена к смерти. Однако, раскаявшись в своем преступлении, она долго молилась в темнице перед образом Богородицы

с «превечным младенцем» на руках. По законам агиографического жанра, она получила освобождение и осталась жить в выговских селениях «неисходно». Спасение Прасковьи от смерти трактуется в Сказании как результат чудесного заступничества Богородицы и Христа (его иконы в Тихвиноборском скиту), но само повеление о помиловании дает Петр, находившийся в это время на заводе по пути в Марциальные Воды. В Сказании приводятся пространные монологи Петра и его «преславной августы» Екатерины I, умолившей супруга отпустить несчастную «колодницу» и дать ей «покаянию время». Царь уподобляется «великодержавному орлу», внимающему «сладчайшему чвебетанию» своей «августейшей ластовицы» [16: 195–200]. Независимо от того, насколько достоверной является эта история, имеющая, несомненно, литературную природу¹⁴, она очень ярко характеризует отношение выговских книжников к царю. Петр предстает здесь как милостивый правитель, орудие Божией воли, явленной через почитаемую на Выгу икону, и, по сути, как покровитель Выговской пустыни: освобожденная им крестьянка пополняет число «ревнителей» старой веры в общежительстве.

История помилования крестьянки-детоубийцы как будто вступает в противоречие со свидетельством И. И. Голикова: «Сколь ни склоняли монарха на милость раскаяния, ежели оныя были чистосердечны, однако же исключались из сея милости смертоубийцы»¹⁵. Примечательно, что единственный рассказ самого И. И. Голикова о прощении Петром I убийцы – разбойника, выбравшего «порукую» своей честности Николая Чудотворца, тоже имеет, как и «чудо» о Прасковье, христианскую легендарно-агиографическую основу¹⁶.

Еще один «темничный сюжет» (в «Истории Выговской пустыни» Ивана Филиппова), посвященный аресту на Петровских заводах выговского отца Даниила Викулина в 1718 году, хотя и не развернут в агиографическое повествование, включает элемент чудесного. Даниил Викулин был взят под стражу «к розыску» по доносу, но вскоре, по ходатайству за него перед царем начальника заводов В. И. Геннина, отпущен. Иван Филиппов, рассказывая об этом решении царя, предполагает божественное вмешательство. Петр находился в дороге из Новгорода в Петербург, спал в карете, но неожиданно проснулся и повелел написать указ об освобождении заключенного. При этом свидетели слышали, что «его величество в просонии говорил неоднократно вслух, что “скоро спустити велю тот час”, а кому он говорил – про то никто не знает, токмо Господь весть своими праведными судьбами». Не случайно освобождение Даниила Викулина трактуется как чудо: «И видеша сие преславное чюдо градские и заводские люди, вси удивившася и прославиша Бога»¹⁷.

Несколько ранее выговцы пережили арест и длительное заключение в новгородской тюрьме (1713–1717) другого выговского отца – Семена Денисова. Этому важному в истории Выга событию посвящен целый цикл выговских сочинений – прежде всего, послания разным лицам самого Семена Денисова [15], а также главы в житиях Андрея и Семена Денисовых¹⁸. Арестованный по доносу в Новгороде 10 декабря 1713 года Семен стойко переносил жестокое обращение и унижения. Отказ перейти в «новую веру», открытая полемика по религиозным вопросам с новгородским митрополитом Иовом могли закончиться для арестанта мучениями и казнью. 29 марта 1714 года узника доставили в Петербург для «освидетельствования» его самим царем. Как сообщал об этой встрече в одном из своих посланий Андрей Денисов, «смирнейший государь» не явил ни «ярости», ни «прещения», но «на желание мучения архиерейская и прочих государь возрази и отказа и отпушена от своего величества учини и вины на нем быти никакой не сказа <...> и мучити не повеле» [16: 120]¹⁹. Согласно Житию Андрея Денисова, царь высоко оценил «умные разговоры» Семена, его познания в православном богослужении²⁰. В отличие от рассмотренных ранее двух историй, царь не освобождает узника, чуда не происходит – Семен Денисов по-прежнему остается в распоряжении новгородского владыки, враждебность которого к заключенному только возросла, но казнь ему уже не грозит. В послании из Новгорода в пустынь выговца Леонтия Федосеева приводятся слова ученого грека Иоанникия Лихуда, посетившего Семена Денисова в тюрьме для очередного его «увещевания»: «Не печалуй, не прибудет ти ни едино досадительно, яко от царского вел<ичества> ни перстом вредити приказано»²¹ [16: 134].

Примечательно, что в этом же послании, написанном Леонтием Федосеевым специально для того, чтобы передать на Выг последние новости о пребывании Семена Денисова в новгородской тюрьме («о настоящем его житии»), автор с нескрываемым восхищением сообщает и о «преславной победе» Петра I над шведами в битве при Гангуте (27 июля 1714 года) [16: 135]. Позднее, в 1721 году, выговцы столь же искренне радовались победоносному завершению Северной войны и заключению Ништадтского договора, неизменно трактуя все государственные успехи как личные заслуги «пресветлага царьскаго величества»²².

Прославлению Петра I, его добродетелей и воинских подвигов посвящены также различные примеры к теоретическим разделам в сочинениях по риторике, которые были очень популярны на Выгу. Некоторые примеры заимствовались из Риторике (1710 год) Козмы Афоноверского (греческого монаха из московского

Чудова монастыря), другие составлялись самими выговцами, в основном Андреем Денисовым [5: 74–86].

ПЕТЕРБУРГ В СОЧИНЕНИЯХ ВЫГОВСКИХ КНИЖНИКОВ

Уважительное отношение выговцев к Петру I распространялось и на созданную им новую столицу – Петербург, который именуется в выговских сочинениях не иначе как «преименитославнейший российский град» и «высокословущий Петрополь». Выговцы поддерживали тесные связи со своими петербургскими благодетелями (Долгими, Галашевскими и др.); выговские настоятели регулярно посещали столицу по делам пустыни. В конце XVIII века на улице Моховой в Петербурге была открыта поморская Долгова (Пиккиева) моленная в честь Богоматери Знамения [8]; своеобразным подворьем Выговского монастыря служила и квартира на Большой Никольской петербургского купца Алексея Семенова Копнина [6: 269–273].

Разумеется, привыкшие к тишине и покою среди лесов, рек и озер Обонежья, выговцы не могли воспринимать Петербург в полной мере как «свое» пространство. Не случайно в выговских сочинениях встречается противопоставление «шумного и ликующего града» «мирной» Выговской пустыни. В начале 1830-х годов выговская благотворительница Н. К. Галашевская решила оставить Петербург и навсегда поселиться в Лексинской обители. В одном из выговских слов, созданных в связи с освящением ее дома на Лексе, выговский книжник писал:

«Яко остави Петроград, именительнейшую столицу, и в ней вся соблазны мирозрительных позорищ: преогромнейших каменнозданий и борзоходнейших коней ристании и цугозаложенных колесниц бряцания и вся яже в домех и на торжищих вселаскательныя приветства. <...> ...и избравшую лутчую жизнь в тишине северо-востока в месте Выголексинскаго общежителства обители Крестовоздвиженския девическаго всекраснейшаго лика» [17: 304].

Однако и в этом описании, построенном на антитезе «тишины» северной обители «соблазнам» пышного города, нет осуждения и неприятия Петербурга – он является для автора «именительнейшей столицей». Антитеза нужна, скорее, для того, чтобы точнее передать мысль о нравственном выборе, который совершила Н. К. Галашевская, отказавшись от мирских радостей во имя душевного покоя.

В одной из выговских рукописей сохранилось описание петербургского наводнения 7 ноября 1824 года – самого разрушительного за всю историю города. Описание входит в подборку небольших, точно датированных документальных статей, в которых повествуется о событиях в Петербурге и Выговском суземке в период с 1809 по 1827 год²³. Наводнение описано глазами очевидца и, судя по точности деталей и неподдельной

эмоциональности, – вскоре после самого события. Упоминание выговской моленной Знамения на Моховой («...на Моховом прищепке (вода. – А. П.) бысть более аршина, а по прочим к вышележащим местам, как то к Знамению, толко по прашпектом») не оставляет сомнения в том, что статья составлена старообрядцем-поморцем²⁴. В сочинении ярко изображена картина разбушевавшейся стихии: вода «иде по граду с страшным шумомъ, к крыше шествуемы, единъ за другим, страшныя и несказанныя валы, бревен повсюду разливаясь»; «даже и самое каменье, вода ископаяя и превращая равно положенная въ стропотная для охранения положенная оружия зѣло тяжеляя, и до двухъсотъ пудовъ, – вся унесе въ море» и др. Смерть настигает горожан внезапно:

«...и на борзых конех утекати и спасатися не возмогаша», «Мнози тогда и в карѣтахъ едуше погибоша. А на пешии народъ ходящий что и глаголати? Страшно и помыслили о том! Что тогда бѣднии сироты и не имущи главы подклонити въ храмину, гдѣ тогда быша, что пострадаша?».

Рассказ об этом бедствии сопровождается горестными восклицаниями автора: «Оле, оле! <...> О, братие! Что се бысть и за что?» При этом автор очень сочувственно отзывается о поведении царя: Александр I не только «плакашася зело», наблюдая за всем «во оконце», но и отдал приказ укрывать от стихии всех, кто оказался рядом, – как «вельмож и высокоблагородных», так и «нищих» – прямо в «царских чертогах». Достоверность этого сообщения подтверждается и другими свидетельствами очевидцев о том, что царь во время наводнения лично заботился о погибавших [11: 200]²⁵.

Документальности описания нисколько не противоречит неизбежное в сочинении старообрядца провиденциальное осмысление события. Наводнение несколько раз именуется «потопом», что вызывает отчетливые библейские ассоциации и позволяет разглядеть в случившемся некие божественные знаки. На предстоящее бедствие, как пишет автор, задолго до него, еще во времена нашествия Наполеона, указывали «многа и различна знамения воздушна» и падение на землю «звезды или планеты». В соответствии с учением о «Божиих казнях» (см. о нем, например: [3]) петербургская катастрофа 1824 года трактуется как Божие наказание за грехи («Разве за грехи непокаявшихся бысть таковая искушения попушена от Бога?»). После наводнения «некоей благочестивой вдове» в Петербурге было видение: к ней явилась сама Богородица и заповедала передать «всему христианскому роду и прочим людем» о том, что «потоп» был Божиим наказанием и что люди должны впредь почитать церковные праздники (не осквернять их пьянством, чревоугодием, работой по воскресеньям), подавать милостыню нищим и каяться в своих грехах. Богородица умолила своего сына Христа не губить пока город «без памяти», но времени для покая-

ния осталось мало, «Бог может вся во един час вся истлити». Такие пророческие видения, включающие мотив заступничества Богородицы перед Христом, стали популярны в русской литературе начиная с периода Смуты начала XVII века («Повесть о видении некоему мужу духовну» и др.).

Казалось бы, старообрядческий автор имел прекрасную возможность истолковать «потоп» как Божию кару «новой столице» за преобразования и европейский выбор Петра I²⁶. Но логика его рассуждения совсем иная. Описанию наводнения в рукописи предшествует рассказ некоего петербургского мещанина Даниила Григорьева – как можно понять из текста, прихожанина поморской моленной на Моховой. Однажды в видении в июне 1819 года ему было открыто, что «зело согрешают в своей они моленной»: служба совершается «по правилу и по уставу церковному», но при этом «отцы их чад своих в слабости содержат». Некий чудесный «муж» разъяснил визионеру, в чем заключается эта «слабость»: пьянство и «многопищие» в дни церковных праздников, неприлежание в «церковном правиле», отступления от старинных русских традиций в одежде («прибавление немецких украшений» и др.). Чудесный «муж» понуждает Даниила рассказать обо всем увиденном одноверцам для их вразумления, а «ежели не послушают», их ждет наказание. Логика текста такова, что наводнение 1824 года является карой, в том числе и за грехи староверов.

Таким образом, выговские старообрядцы не отделяли себя от остального российского общества, не противопоставляли себя ему, но в полной мере разделяли с ним ответственность за судьбу своего отечества. «Весь христианский род и прочие люди», к которым в видении «некоей вдовы» обращается Богородица, – это царь и его придворные, нищие и вельможи, прихожане господствующей церкви и ревнители древлего благочестия.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проводимая Петром I политика веротерпимости дала важные результаты: около полутора веков на севере России просуществовало Выго-Лексинское общечеркесство, являвшееся в XVIII–XIX веках крупнейшим центром старообрядческой культуры. Выговцы не только сохраняли лояльность по отношению к государству и власти, но и прославляли в своих сочинениях Петра как милосердного человека, талантливого полководца и «премудрого государя», радеющего под Божиим покровом о благе отечества.

В Приложении публикуется текст ново-найденного выговского описания петербургского наводнения 1824 года.

ПРИЛОЖЕНИЕ

// (л. 3 об.) Передъ потопом царствующаго града Санкт-Петербурга многа и различна знамения воздушна видяхуся во многоразлична времена. Егда вѣторжеся

въ российский границы Божиим попусцием Наполеонъ съ силами, напрежде бысть усмотрено астрономами, что паразитце к земли звѣзда или планета в самой Питеръ. Но Богъ осуети ихъ умышления. Точно приразилась планета, но не на Питеръ, но на пустое мѣсто въ Нерчинскомъ уѣздѣ. Симъ видомъ: прежде показался огонь, как столпъ, за огнемъ водянный столпъ, и изры землю на восменатцеть верстъ въ длину и в ширину мало уже. И стало на том мѣстѣ озеро. И деревню, тутъ стоящую, всю потопило и разнесло. Только спаслись два челоуѣка на овѣщение. // (л. 4) Въ послѣ вторгался неприятель къ Питеру въ Новгородской губернии въ Луковскомъ уѣздѣ, неприятельской силы тамо убито более трехъ тысячъ.

В послѣ Наполеона, егда изгнали вонъ с России, такъ въ Питере ночныя караулы видѣли много разъ над дворцомъ государевымъ овогда огонь яко воздушныя огненныя понявицы надходяща и исчезающа, овогда яко змию огнену надлетающа и с трескомъ счезающа. Овогда при мори видѣшася яко столпие огнени стояща: овогда одинъ, овогда два. И прочая такого явления страшна. Нынѣшния мудрецы ни во что сия полагаху. И гл<агол>юще: многи и различны на воздухѣ таковыя есть, и творятъ къ разнымъ погодомъ таковая приведѣния. И не веляху никому сихъ повѣдовати, дабы народъ о томъ не смущался, а жили бы без печали. // (л. 4 об.)

Въ лѣто 7332-го (1824) месяца ноября въ 7 день Божиимъ повелѣниемъ бысть вѣтръ полуденный зѣло великъ, и дождь припре воду съ моря зѣло высоко. И иде по граду съ страшнымъ шумомъ, к крыше шествуемы, единъ за другимъ, страшныя и несказанныя валы, бревно повсюду разливаясь. Столь спѣшно шествие ея бысть, яко и на борзыхъ конехъ утекати и спасатися не возмогаша. И столь высоко вода возвысися, и повсюду видѣшася, яко Морская ино въ приморскомъ бреге бысть, и до семи аршинъ противъ Михайловска замка бысть, на Фонтанке въ три аршина и выше, на Моховомъ прищепке бысть болѣе аршина, а по прочимъ къ вышелѣжащимъ мѣстамъ, какъ то къ Знамению, тольکو по прашпектомъ.

Оле, оле! // (л. 5) Божие с милостию наказание за молитвы христианския! Недолго постояла в вышины, тольکو три часа, а от прилития и избѣжания паки в свое мѣсто двадцать два часа. Гдѣ тогда спастись было въ нижнихъ предѣлахъ живущимъ людемъ? Увы, вся тая вода потопи! Развѣ могущи возмогли нѣкакъ спастися в высокихъ зданіяхъ по глаголу, сказанному от тамошнихъ, никтоже не надѣяшеся уже спастися, но вся пред очима видяху всякъ свою уже смерть.

И самъ царь, сѣдя во оконце и зѣря тако свирѣпѣющую водянную бурю, плакаше зѣло, и вси предстоящи ему таяжде творяху. Приказано было, аще кто можетъ, и в самыхъ царскихъ чертогахъ спастись, да некоторымъ таковымъ хотя и нищимъ, а не то велможамъ и высокоблагороднымъ, // (л. 5 об.) кои обычаи свои завсегда имѣютъ тамо входить, но имже запрещено и зѣрѣти, тии тамо тогда спасахуся.

Мнози тогда и в карѣтахъ едуще погибоша. А на пешии народъ ходящій что и глаголати? Страшно и помыслити о томъ! Что тогда бѣднии сироты и не имущи главы поклонити въ храмину, гдѣ тогда быша, что пострадаша? Оле, развѣ нечаемо смерть, мнози в таковое время не имуща смысла другъ съ другомъ и послѣднего прощения получить, развѣ тогда от всѣхъ единъ гласъ слышашеся: «Оле, погинулъ! Охъ, залило! Охъ, бѣда, куды уйти! Некуда!» В самыхъ предѣлахъ, идѣже живяху, ту и умроша от воды.

О, братіе! Что се бысть // (л. 6) и за что? Развѣ за грѣхи непокаявшихся бысть таковая искушения попушена от Бога! Сколки дома погибоша, сколько изъяны сотворишася и самымъ высокоименитымъ персонамъ, мнози от богатства въ нищету приидоша. Аще бы не сие, еже сотвори Богъ наказати, еже разнесло снопаки, и вся въ море снесло, бочки и бревны, даже и самое каменіе, вода ископая и превращая равно положенная въ стропотная для охранения положенная оружія зѣло тяжелая, и до двухъсотъ пудовъ, – вся унесе въ море, яже потомъ и не обрѣтѣся нигдѣже. И многа таковая сотворишася, яже бес памяти уже бысть. И будутъ таковая паки обноситися на языцехъ, а нынѣ о тѣхъ умолчу.

По потопѣ видѣние бысть вскорѣ нѣкоей христианской женѣ. // (л. 6 об.) Бысть нѣкая вдова благочестива, молящися во едину ночь на правилѣ своемъ (в Санктъ-Петербургѣ), и по правилѣ усну, и бысть ей видѣние нѣкое. Прииде жена багры носящи зѣло свѣтоносна и глагола ей: «Азъ умолихъ Сына своего еще на мало время еже вовсе не погубити без памяти таковаго града. А ты, жено, повѣдай всему христианскому роду и прочимъ людемъ Божіе наказание и посѣщение с милостию. Первое: дабы престали сквернити неупражнениемъ своимъ от трудовъ и излишняго попеченія, и пьянствомъ и многопищемъ почитаютъ праздники Божія и мои, и работаютъ въ воскресныя дни, того всего ненавидитъ Богъ, и симъ всѣмъ раздражаютъ Его милосердную утробу. Второе: дабы наполняли маломощнымъ руки от с// (л. 7) воего праведнаго добытия, и прочее. Третье: каляisia бы грѣховъ своихъ безпрестанно, и начастъ бы приходили к службѣ Божіи, и стояли бы у службѣ со страхомъ Божиимъ, и просили бы у Бога отпуста грѣховъ своихъ, и помнили бы таковое Божіе наказание. Понеже Богъ можетъ вся во единъ часъ вся истлѣти, но ожидая нашего покаянія и обращения къ Нему. Повѣдай вся сия и не стыдися. Аще не повѣси, то за то осудиши въ вѣчную муку. Азъ сама тя имамъ наказати за преслушание на семь свѣтѣ, и по смерти предана будещи во адова заточенія».

По потопѣ единъ продавецъ нача продаяти тройной ценой товаръ лакомной, то есть чай, сахаръ, за что тайно узнать от градоначальника, и донесено о немъ царю, за что, озлобяся, великий государь сослалъ в ссылку.

РГБ, собр. Барсова, № 1197.16, л. 3 об.–7.

* Финансовое обеспечение исследования осуществлялось из средств федерального бюджета на выполнение государственного задания Карельского научного центра РАН (тема № АААА-А18-118030190094-6).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

БАН – Библиотека Российской академии наук (С.-Петербург).
РГБ – Российская государственная библиотека (Москва).
ТОДРЛ – Труды Отдела древнерусской литературы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ К сходным выводам приходили и предшественники Е. М. Юхименко (см., например: Барсов Е. В. Петр Великий в его отношении к Поморскому расколу // Русское обозрение. 1894. Январь. С. 137–146; Смирнов П. С. Споры и разделения в русском расколе в первой четверти XVIII века. СПб., 1909). Однако в работах Е. М. Юхименко этот вопрос решен гораздо более обстоятельно, с привлечением широкого круга новых источников (см., например: [18], [19]).

² Смирнов П. С. Споры и разделения... С. 348–349.

³ Брикнер А. Г. Иллюстрированная история Петра Великого. СПб., 1903. Т. 2. С. 236.

⁴ Филиппов И. История Выговской старообрядческой пустыни. М.: Третий Рим, 2005. С. 113.

- ⁵ Семен Петров. Слово на 4-й день по преставлении Никифора Семенова (см.: [17: 104]). История Олонецких Петровских заводов в панегирическом ключе была впервые подробно описана петрозаводским историком Т. В. Баландиным в 1814 году (см.: Баландин Т. В. «Петрозаводские северные вечерние беседы» и другие сочинения и письма / Сост. и отв. ред. А. В. Пигин. СПб., 2016). При этом некоторые факты Т. В. Баландин почерпнул из сочинения И. И. Голикова «Деяния Петра Великого» (1788–1789).
- ⁶ Филиппов И. История Выговской старообрядческой пустыни. С. 134. Это известие повторяется и в Житии Андрея Денисова (БАН, собр. Дружинина, № 647, л. 152, список XIX века).
- ⁷ БАН, собр. Дружинина, № 985, л. 33 (Житие Семена Денисова, список XIX века).
- ⁸ БАН, собр. Дружинина, № 810, л. 224 об. (Поморские ответы, список 1736 года).
- ⁹ Словарь-указатель сюжетов и мотивов русской литературы. Экспериментальное издание / Отв. ред. Е. К. Ромодановская. Новосибирск, 2006. Вып. 1. С. 144–145.
- ¹⁰ Майков Л. Н. Рассказы Нартова о Петре Великом. Приложение к 57 тому «Записок императорской академии наук». № 6. СПб., 1891. № 28, 43, 48 и др.
- ¹¹ Голиков И. И. Дополнение к Деяниям Петра Великого, содержащее анекдоты, касающиеся до сего великого государя. М., 1796. Т. 17. № 3, 4, 7, 10 и др.
- ¹² Об утопических воззрениях выговцев см.: [4: 167–236], [5].
- ¹³ Исследование памятника см. в.: [20].
- ¹⁴ О соотношении подлинных реалий и вымысла в этом сочинении см.: [14: 237–241]. Добавим к этому, что среди исторических «анекдотов» о Петре встречаются и такие, в которых именно императрица ходатайствует перед царем за осужденного (см.: Голиков И. И. Дополнение к Деяниям Петра Великого... С. 342–346 (№ 92); Майков Л. Н. Рассказы Нартова... С. 90. № 138; С. 98. № 148).
- ¹⁵ Голиков И. И. Дополнение к Деяниям Петра Великого... С. 292.
- ¹⁶ Там же. № 75. С. 289–293.
- ¹⁷ Филиппов И. История Выговской старообрядческой пустыни. С. 143–144.
- ¹⁸ БАН, собр. Дружинина, № 647, л. 184–191 об. (Житие Андрея Денисова); БАН, собр. Дружинина, № 985, л. 20 об.–31. (Житие Семена Денисова).
- ¹⁹ Ср. в Житии Семена Денисова: «...императорское же величество не вняв архиерейскому клеветанию, но кротко с тихостию на словах испытал его о последовании древнему благочестию; <...> видев же монарх мужа разумом исполнена и кротостию цветуща, не склонил свое сердце озлобить его ничимъже, ниже архиерею повеле испытати жестоко, ниже отпустить его повеле, но тако его остави...» (БАН, собр. Дружинина, № 985, л. 28–28 об.).
- ²⁰ БАН, собр. Дружинина, № 647, л. 188–188 об.
- ²¹ В сентябре 1717 года Семену Денисову удалось бежать из тюрьмы вместе с охранявшим его солдатом. Петр I, узнав о побеге, якобы сказал только: «Добре, Бог с ним» (БАН, собр. Дружинина, № 985, л. 30 об.; Филиппов И. История Выговской старообрядческой пустыни. С. 143).
- ²² Андрей Денисов. Послание В. И. Геннину (см.: [17: 311]).
- ²³ РГБ, собр. Барсова, № 1197.16, рукопись форматом 8⁰, 16 листов, выговская скоропись (почерк атрибутировать не удалось).
- ²⁴ Сообщение о наводнении 1824 года вошло и в Выголексинский летописец: «...в Питербурге наводнение превеликое з бурею от моря было, корабли ломало, дома с людьми в море унесло, людей и скота много погибло...» [16: 75].
- ²⁵ См. также: Аллер С. Описание наводнения, бывшего в Санкт-Петербурге 7 числа ноября 1824 года. СПб., 1826. С. 49–51.
- ²⁶ В старообрядческих сочинениях встречается эсхатологическое осмысление петербургского наводнения. Так, согласно странническому сочинению, озаглавленному «Цветник уральский», наводнение предшествует Второму пришествию Христа: «За три лета до пришествия Христова покажет Небесный Царь земному царю на небеси знамение – честный и животворящий крест осмиконечный яко хоругвь царскую своего пришествия. И сие совершилось по потопе питерском. Сам государь наш сего знамения самовидец бысть» (БАН, Вятское собр., № 164, л. 57–57 об., конец XIX – начало XX века).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гурьянова Н. С. Крестьянский антимонархический протест в старообрядческой эсхатологической литературе периода позднего феодализма. Новосибирск: Наука, 1988. 192 с.
2. Гурьянова Н. С. Старообрядческие сочинения XIX в. «о Петре I – антихристе» // Сибирское источниковедение и археография. Новосибирск: Наука, 1980. С. 136–153.
3. Добровольский Д. А. «Теория казней Божьих»: от Начального свода к Повести временных лет // Локальные исторические культуры и традиции историописания. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2011. С. 144–154.
4. Журавель О. Д. Литературное творчество старообрядцев XVIII – начала XXI в.: темы, проблемы, поэтика. Новосибирск: Изд-во Сибирского отделения РАН, 2012. 442 с.
5. Журавель О. Д. «Той, от него же вся Россия поколебася»: еще раз об отношении старообрядцев Выга к царской власти // Религиозные и политические идеи в произведениях деятелей русской культуры XVI–XXI вв. Новосибирск: Изд-во Сибирского отделения РАН, 2015. С. 70–86.
6. Зотова Е. Я., Юхименко Е. М. Уникальный владельческий меднолитой складень 1718 г. // Старообрядчество в России (XVII–XX вв.). М.: Языки славянской культуры, 2004. Вып. 3. С. 259–273.
7. Никанорова Е. К. Исторический анекдот в русской литературе XVIII века. Анекдоты о Петре Великом. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. 468 с.
8. Пивоварова Н. В. Пиккесова моленная в Петербурге: Страницы истории // Старообрядчество: история, культура, современность: Материалы VIII Междунар. науч. конф. 13–15 ноября 2007 г. Москва. М.: Музей истории и культуры старообрядчества, 2007. Т. 1. С. 109–115.
9. Реснянский С. И., Киенков А. А. Церковно-государственная политика Петра I в отечественной историографии. М.: Государственный гуманитарно-технологический университет, 2016. 372 с.
10. Руди Т. Р. Житие Кирилла Сунарецкого (публикация текста) // ТОДРЛ. СПб.: Росток, 2016. Т. 64. С. 448–500.
11. Синдаловский Н. А. История Санкт-Петербурга в преданиях и легендах. СПб.: Норинт, 1997. 358 с.
12. Успенский Б. А. *Historia sub specie semioticae* // Успенский Б. А. Избранные труды. М.: Гнозис, 1994. Т. 1: Семиотика истории. Семиотика культуры. С. 50–59.
13. Чистов К. В. Русская народная утопия (генезис и функции социально-утопических легенд). СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. 544 с.
14. Юхименко Е. М. Выговская старообрядческая пустынь: Духовная жизнь и литература. М.: Языки славянской культуры, 2002. Т. 1. 544 с.
15. Юхименко Е. М. «Егда же к нам, недостойным, принесется честная епистолия твоя...» (круг памятников, связанных с новгородским заключением Семена Денисова в 1713–1717 гг.) // ТОДРЛ. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. Т. 57. С. 806–838.

16. Юхименко Е. М. Литературное наследие Выговского старообрядческого общезнательства. М.: Языки славянских культур, 2008. Т. 1. 688 с.
17. Юхименко Е. М. Литературное наследие Выговского старообрядческого общезнательства. М.: Языки славянских культур, 2008. Т. 2. 568 с.
18. Юхименко Е. М. О патриотизме выговских старообрядцев (по литературным памятникам) // Старообрядчество: история и современность, местные традиции, русские и зарубежные связи: Материалы III Междунар. науч.-практ. конф. 26–28 июня 2001 г. Улан-Удэ, 2001. С. 320–323.
19. Юхименко Е. М. Самодержавие и правоверие в литературе выговского старообрядчества // *Pisarz i władza (od Awwakuma do Solženicyna)*. Łódź, 1994. S. 34–41.
20. Юхименко Е. М. «Сказание о чудесах Тихвиноборского образа Спаса» (к вопросу о жанровом разнообразии выговской литературной школы) // Памятники культуры: Новые открытия: Письменность. Искусство. Археология: Ежегодник 1999. М.: Наука, 2000. С. 19–32.

Поступила в редакцию 07.06.2019

Alexander V. Pigin, Doctor of Philology, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation)

PETER THE GREAT AND ST. PETERSBURG IN THE WORKS OF THE OLD BELIEVER WRITERS OF THE VYG COMMUNITY*

The article analyzes the images of Peter the Great and the capital founded by him in the Vyg Old Believer writers' oeuvre of the XVIII and the first third of the XIX centuries. These works are indicative of an exceptionally positive perception of Peter the Great by the Vyg Old Believers, who saw him as a merciful and wise ruler, because the Tsar's policy was religiously tolerant. Some of these works throw light on particular facts from the history of Peter the Great's visit to the Olonets Province. The article examines narratives based on a plot, popular in the works about the Tsar, known as "the Tsar's trial". As a literary context, anecdotes about Peter the Great are drawn from I. I. Golikov's and A. K. Nartov's collections. One of the Vyg writers' works about the flood that happened in St. Petersburg in 1824 is analyzed and presented to the scientific community for the first time.

Keywords: Old Belief, Vyg Old Believers' Community, Peter the Great, St. Petersburg, St. Petersburg flood of 1824, plot of "the Tsar's trial"

* The study was carried out as part of the state project No AAAA-A18-118030190094-6.

Cite this article as: Pigin A. V. Peter the Great and St. Petersburg in the works of the Old Believer writers of the Vyg Community. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2019. No 6 (183). P. 77–84. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.375

REFERENCES

1. Gur'yanova N. S. Peasant anti-monarchist protest in the Old Believer's eschatological literature of the late feudalism period. Novosibirsk, 1988. 192 p. (In Russ.)
2. Gur'yanova N. S. The Old Believer's writings of the XIX century "about Peter I, the Antichrist". *Sibirskoe istochnikovedenie i arkheografiya*. Novosibirsk, 1980. P. 136–153. (In Russ.)
3. Dobrovolskiy D. A. The theory of divine retribution: from the Primary Chronicle to the Tale of Bygone Years. *Lokal'nye istoricheskie kul'tury i traditsii istoriopisaniya*. Moscow, 2011. P. 144–154. (In Russ.)
4. Zhuravel' O. D. The literary works of Old Believers between the XVIII and the early XXI centuries: topics, issues, poetics. Novosibirsk, 2012. 442 p. (In Russ.)
5. Zhuravel' O. D. "He who caused the entire Russia to shudder": considering once again the Vyg Old Believers' attitude to the royal power. *Religioznye i politicheskie idei v proizvedeniyakh deyateley russkoy kul'tury XVI–XXI vv.* Novosibirsk, 2015. P. 70–86. (In Russ.)
6. Zotova E. Ya., Yukhimenko E. M. A unique possessory cast copper folding icon of 1718. *Starobryadchestvo v Rossii (XVII–XX vv.)*. Moscow, 2004. Issue 3. P. 259–273. (In Russ.)
7. Nikanorova E. K. Historical anecdote in the Russian literature of the XVIII century. Anecdotes about Peter the Great. Novosibirsk, 2001. 468 p. (In Russ.)
8. Pivovarova N. V. Pikhiev's prayer room in St. Petersburg. Pages of history. *Starobryadchestvo: istoriya, kul'tura, sovremennost': Materialy VIII Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii 13–15 noyabrya 2007 g. Moskva*. Moscow, 2007. Vol. 1. P. 109–115. (In Russ.)
9. Resnyanskiy S. I., Kienkov A. A. Peter the Great's church policy in domestic historiography. Moscow, 2016. 372 p. (In Russ.)
10. Rudi T. R. The Life of Cyril Sunaretsky (publication of text). *Proceedings of the RAS Department of Old Russian Literature*. St. Petersburg, 2016. Vol. 64. P. 448–500. (In Russ.)
11. Sindalovskiy N. A. The history of Saint Petersburg in tales and legends. St. Petersburg, 1997. 358 p. (In Russ.)
12. Uspenskiy B. A. Historia sub specie semioticae. *Selected works*. Moscow, 1994. Vol. 1. P. 50–59. (In Russ.)
13. Chistov K. V. Russian folk utopia (the genesis and functions of social utopia legends). St. Petersburg, 2003. 544 p. (In Russ.)
14. Yukhimenko E. M. The Vyg Old Believer Community: Spiritual life and literature. Moscow, 2002. Vol. 1. 544 p. (In Russ.)
15. Yukhimenko E. M. "When we, the unworthy, received your dignified message..." (literary works connected with Simeon Denisov's imprisonment in Novgorod in 1713–1717). *Proceedings of the RAS Department of Old Russian Literature*. St. Petersburg, 2006. Vol. 57. P. 806–838. (In Russ.)
16. Yukhimenko E. M. The literary heritage of the Vyg Old Believer Community. Moscow, 2008. Vol. 1. 688 p. (In Russ.)
17. Yukhimenko E. M. The literary heritage of the Vyg Old Believer Community. Moscow, 2008. Vol. 2. 568 p. (In Russ.)
18. Yukhimenko E. M. Patriotism of the Old Believers of the Vyg Community (through literary works). *Starobryadchestvo: istoriya i sovremennost', mestnye traditsii, russkie i zarubezhnye svyazi: Materialy III Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii 26–28 iyunya 2001 g. Ulan-Ude*, 2001. P. 320–323. (In Russ.)
19. Yukhimenko E. M. Autocracy and the right faith in the Vyg Old Believer literature. *Pisarz i władza (od Awwakuma do Solženicyna)*. Łódź, 1994. P. 34–41. (In Russ.)
20. Yukhimenko E. M. "The legend about the miracles of the Saviour of Tikhvinoborsk icon" (discussing the issue of the genre diversity of the Vyg literary tradition). *Pamyatniki kul'tury: Novye otkrytiya: Pis'mennost'. Iskustvo. Arkheologiya: Ezhegodnik 1999*. Moscow, 2000. P. 19–32. (In Russ.)

Received: 7 June, 2019